

В. Н. Уйманов

**ТЮРЕМНЫЙ ТЕАТР – ЭЛЕМЕНТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ
СИСТЕМЫ ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ?¹**

V. N. Uymanov

**PRISON THEATER – AN ELEMENT OF PENAL SYSTEM
OR EXCEPTION TO THE RULES?²**

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов из различных источников рассматривается создание театров в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири, показывается их роль в культурно-просветительской работе с осуждёнными, анализируются отдельные аспекты просветительской деятельности с осуждёнными.

In article on the basis of the analysis of normative legal acts from various sources creation of theaters in penal system in the territory of Western Siberia is considered, their role in cultural and educational work with is shown condemned, is analyzed separate aspects of educational activity with the condemned.

Ключевые слова: пенитенциарная система; Западная Сибирь; осуждённые; культурно-просветительская деятельность.

Keywords: penal system; Western Siberia; the condemned; cultural and educational activity.

В результате победы в Октябре 1917 г. большевики начали перестройку всей системы органов власти, в том числе и пенитенциарной системы. Провозгласив отказ от старой системы исполнения наказания, они взяли курс на реорганизацию органов принуждения, но с качественно новым содержанием их деятельности. Большевистские теоретики права полагали, что среди свободных граждан нового государства преступность должна «отмереть», а останутся лишь отдельные неустойчивые элементы, вставшие на преступный путь, которых следовало не наказывать, а исправлять методами трудового перевоспитания. Перевоспитание рассматривалось в качестве основы деятельности органов принуждения в противовес «буржуазному» наказанию как форме устрашения. Основным средством исправления и перевоспитания правонарушителей был определён общественно-полезный труд, в том числе и по причине необходимости сокращения расходов на содержание заключённых.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области. № проекта 14-13-70002.

² Article is prepared with financial support of RGNF and Administration of the Tomsk region. Project No. 14-13-70002.

Отпускаемых на их содержание средств катастрофически не хватало, в ряде мест возникла проблема существования мест заключений в будущем. Особенно ситуация обострилась после передачи мест заключения в августе 1922 г. на местные бюджеты.

Следует заметить, что политика перевоспитания заключённых предполагала использование не только труда. Особое место занимали вопросы и мероприятия культурно-просветительного характера, предполагавшие, в первую очередь, ликвидацию неграмотности. Для решения этой проблемы в местах лишения свободы была организована система школьного образования. Так, в марте 1920 г. отделом юстиции Сибревкома в адрес всех заведующих домами принудработ был направлен циркуляр «Задачи культурно-просветительной работы в местах лишения свободы», в котором отмечалось, что «насколько важен труд для заключённого, как элемент, преобразующий его психику, настолько же важно заинтересовать заключённого школьным обучением и библиотекой». Карательным отделам предлагалось уделить этому особое внимание, так как обучение в местах заключения велось бессистемно, а библиотеки находились в «жалком состоянии». Считалось, что «если преподавание, библиотека и труд будут рационально связаны между собой, то совместное их действие явится могучим рычагом социального перевоспитания». Отдельно выделялся вопрос о проведении лекций, собеседований и т. д.¹

Выполняя поставленную большевистским руководством страны задачу превращения тюрем в воспитательные учреждения, Наркомат юстиции разработал формы и методы проведения культурно-просветительной работы с заключёнными. Для привлечения к этой работе профессионалов декретом СНК РСФСР от 30 июня 1920 г. культурно-просветительная работа была передана Наркомату просвещения, который должен был организовать руководство постановкой работы по ликвидации неграмотности, организации библиотек, устройству спектаклей, лекций и т. п. Следует заметить, что уже в 1922 г. эти функции вновь были возвращены в НКЮ.

Другим направлением в процессе перевоспитания было привлечение заключённых к культурной жизни через участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях.

Следует отметить, что в начале 1920-х гг. многое из запланированного было реализовано, в частности, в практике культурно-просветительной работы. Посещение школы всеми заключёнными, не достигшими 50-летнего возраста, стало обязательной нормой, был определён необходимый перечень предметов. Организация обучения – важная составляющая в процессе работы с заключёнными, и на это делался особый упор. Если в 1924–1925 гг. в местах заключения было 122 школы с числом штатных школьных работников в 251 чел., то в 1925–1926 гг. их было 204 и 348 соответственно. Согласно официальным данным

¹ Циркуляр отдела юстиции Сибревкома «Задачи культурно-просветительной работы в местах лишения свободы» [март] 1920 г. // ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.

ГУМЗ, ежемесячно в школах грамоты обучалось от 3000 до 3600 человек, в школах для малограмотных – около 2000, а в школах повышенного типа – до 700 осуждённых¹. С учётом чрезмерного переполнения мест заключения эти результаты сложно рассматривать в качестве серьёзного достижения в работе по ликвидации неграмотности среди заключённых².

Во всех местах заключения предусматривалось создание библиотек, читален, силами заключённых ставились спектакли, концерты, организовывались литературные вечера, живые газеты, спортивные упражнения и другие подобные мероприятия. Клубы, театры, художественные и музыкальные кружки были созданы не только в крупных губернских, но и в некоторых уездных местах лишения свободы. В сентябрьском (1920 г.) отчёте Сибюста отмечалось, что Томскому карательному подотделу удалось поставить работу на должную высоту, в частности, подчёркивалось, что «широко поставлена культурно-просветительная работа среди заключённых, устроены оперный и драматический театры, ...имеются струнный, симфонический и духовой оркестры; открыты художественная и скульптурная мастерские»³. Что касается театра, то его обустройство было начато в июне 1920 г. Артисты, техники, художники и оформители из числа заключённых сумели подго-

¹ Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. Омск, 2011. С. 165.

² Следует учитывать, что в ноябре 1925 г. очередная реорганизация мест заключения в регионе позволила довести их вместимость до 8755 чел. Численность заключённых на 1 января 1926 г. достигла 15462 чел. (без учёта сведений по Барабинскому, Бийскому, Ачинскому и Щегловскому местам заключения в виду их непредставления), т. е. переполнение достигало 95,3 %, а в отдельных местах переполнение достигало 200–300 % (Отчёт о деятельности мест заключения Сибири за октябрь–декабрь 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 63. Л. 2-4). Так, в Омском исправтруддоме на 312 штатных мест в среднем за 2-е полугодие 1924 г. приходилось 983 заключённых, а в январе 1925 г. их было уже 1192, переполнение составило 382 % (Отчёт о деятельности Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. // Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 105). На 15 сентября 1925 г. ситуация ещё более ухудшилась: на 272 штатных местах Омского ИТД размещалось 1200 чел., т. е. переполнение на 441 % (Протокол междуведомственного совещания по борьбе с преступностью при Омском губпрокуроре от 15 сентября 1925 г. // Там же. Оп. 1. Д. 59. Л. 17). В Барнаульском доме заключения на 400 штатных мест на 1 января 1924 г. было 900 заключённых (225 %) (Отчёт прокуратуры Алтайской губернии за 1-е полугодие 1924 г. // Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 24–25). В двух исправтруддомах Новониколаевска (550 штатных мест) на 1 октября 1924 г. состояло 1111 заключённых, а на 31 декабря уже 1341. Подобная картина складывалась в домах заключения городов Каинска и Камня (Отчёт о деятельности прокуратуры Новониколаевской губернии за 2-е полугодие 1924 г. // Там же. Д. 22. Л. 64).

В последующие годы ситуация обострилась. Так, на 1 января 1927 г. в Барнаульском округе число заключённых превысило число штатных мест на 308 %, в Бийском – на 583 % (!), в Каинском – на 307 %, в Кузнецком – на 554 % (!), в Рубцовском – на 482 % и т. д. В целом перегруженность мест заключения составила 117,6 %. Подсчитано автором по материалам доклада прокуратуры Сибири о результатах работы во 2-м полугодии 1926 г. // ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 105. Л. 78. По стране перегрузка мест лишения свободы составила 158 %. См.: Иванов А. А. Индивидуализация исполнения наказания в России. Теория, история и практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 116.

³ Отчёт о деятельности отдела юстиции Сибревкома (сентябрь 1920 г.) // ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

товить программу к 17 июля. Под театр была переоборудована и церковь в Барнаульском доме лишения свободы. «Драматический кружок, возглавляемый заключённым, ...вёл большую работу по оборудованию театра, устройству декораций, подготовке спектаклей. ...Только за апрель 1921 г. силами драмкружка были подготовлены и поставлены в театре спектакли, названия которых говорят о политической направленности эстетического воспитания: «На конспиративной квартире», «Так будет», «Не так живи, как хочется», «Сытые и голодные»¹. В данном случае «творческий почерк» кружка – подтверждение наличия политического руководства его деятельности со стороны партийно-советских органов, отвечавших за работу мест заключения, но чаще было по-иному.

Ещё в 1921 г. в материалах НКЮ был опубликован отчёт Томского губернского исправительно-трудового отдела: «В настоящее время слава театра пошла за пределы города; труппу ДомПринРаба стали приглашать в ближайшие сибирские города. 18 марта 1921 г. в день Парижской Коммуны в г. Мариинске был открыт театр имени Парижской коммуны и по окончании торжественного заседания была поставлена опера «Борис Годунов» в исполнении заключённых. Успех Томского тюремного театра, вызвавший появление театра в Мариинском ДомПринРаб даёт надежду, что деятели Мариинского Дома принудработ сумеют повести дело в духе томских товарищей. Театр ... вмещает до 500 человек, превосходно оборудован и расписан местными художниками. Успех и настойчивые просьбы местных организаций заставили Заведующего Томским карательным отделом дать ещё 4 спектакля в Мариинском Народном доме для рабочих и красноармейцев. ... На пути из Мариинска «Борис Годунов» был поставлен для шахтёров Анжеро-Судженского района... Заключённые артисты... по просьбе Губисполкома и Губполитпросвета поставили... «Бориса Годунова»... 5 раз в клубе имени Тимирязева в г. Томске.

Выполняя свою культурную миссию, театральные работники Томского ДомПринРаба стремятся насадить театральное искусство среди широких масс рабочих в самых захудалых углах Сибири. Для этой цели предложен целый ряд организованных поездок, от Иркутска до Челябинска»².

Мариинский театр также развернул свою деятельность, пусть и в масштабах уезда, поставив в 1921 г. 16 спектаклей, что позволило заработать 18 млн руб. и 750 пудов муки, использованных для нужд заключённых³.

¹ Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): учебное пособие. Омск: ОВШМ МВД СССР, 1989. С. 81.

² Выписка из отчёта Томского губернского исправительно-трудового отдела «О культурно-воспитательной работе», опубликованном в материалах НКЮ, выпуск XIV, 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 351.

³ Марченко С. Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009. С. 55.

В 1922 г. силами заключённых Томского дома заключения были даны 7 оперных («Фауст», «Борис Годунов», «Аскольдова могила» и «Гейша») и 55 драматических спектаклей (Островский, Чехов, Куприн и др.), 17 концертов, в которых исполнялись произведения Грига, Листа, Бетховена, Шопена, Мусоргского и др.¹ Вне всякого сомнения, результаты работы впечатляли, безусловно, «давая козыри» тем правоведам, которые считали возможным перевоспитание заключённых. Что касается мирного населения Сибири, то, конечно же, в условиях культурного «голода», причиной которому стала совсем недавно завершившаяся гражданская война, любые действия, будь то концерт, спектакль или иное представление, воспринимались с большим энтузиазмом и интересом.

В мае 1923 г. на Объединённом заседании президиумов губисполкома и губэконосо было дано разрешение спектакли, поставленные силами заключённых, ставить в черте города. В постановлении президиума отмечалось, что «в виду превышения количества заключённых нормы принятой местным бюджетом и невозможности удовлетворения их за счёт кредитов местных, а также недостаточного количества средств, отпускаемых Центром, – предоставить право домзаку ставить спектакли за пределами мест заключения в городе силами заключённых за исключением подследственных»². Интересный факт: решение до Управления местами заключения было доведено телефонограммой с грифом «весьма срочно». Резолюция начальника ГУМЗа была лаконичной: «Учебно-воспитательной части. К руководству. 12/V-23 г. В. Векшин»³.

Принятое решение, как видно из документа, преследовало всего одну – достаточно приземлённую цель – дать возможность дому заключённых зарабатывать деньги на собственное содержание, а театр оказался успешным проектом. Как результат, в декабре 1923 – январе 1924 гг. труппа театра осуществила ещё 23 постановки, на которых присутствовало почти 4,5 тыс. заключённых⁴.

Анализируя Отчёт о плодотворной и успешной деятельности тюремного театра, невольно задаёшься вопросом – а кто же были те актёры и режиссёры, кто смог организовать работу труппы в тяжелейших условиях? Трудно предположить, что их основу составляли заключённые из числа уголовного элемента или представителей пролетарских слоёв населения, оказавшихся в местах лишения свободы. Конечно же, подготовить театральную постановку могли только люди, чётко представлявшие и обладавшие глубоким знанием предмета, к которому они обращались. Несомненно, это были представители из числа «бывших», имевших познания и опыт постановки спектаклей в своей повседневной жизни.

¹ Отчёт о работе театра Томского дома заключённых за 1922 год // ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.

² Отчёт о работе театра Томского дома заключённых за 1922 год // ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 343.

³ Отчёт о работе театра Томского дома заключённых за 1922 год // ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 343.

⁴ Быков А. В. Указ. соч. С. 172–174.

ни в недалёком прошлом, по сути своей те, кого Советская власть официально причислила к своим врагам – «контрреволюционерам». Ничего удивительного в этом не было. В 1921 г. в Сибири число осуждённых за контрреволюционные преступления составляло 39,2 % от общего числа заключённых, основную массу из них представляли выходцы из «бывших» (по РСФСР этот процент составлял 12,1 %)¹.

В отчёте НКВД по Главному Управлению местами заключения X съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов в разделе «Учебно-воспитательная деятельность» отмечалось, что на основе представленных с мест заключения отчётов о проделанной культурно-просветительной работе за 10 месяцев 1922 г. для тюремного населения было прочитано 8764 лекции различной тематики и поставлено 3650 воспитательных развлечений (спектакли, вечера, концерты и т. п.). В среднем на каждое место заключения приходилось по 6 лекций и 2,5 постановки в месяц². Следует признать, что показатели подтверждают серьёзную организацию культурно-просветительной работы в местах лишения свободы.

Однако постепенно эта работа под воздействием объективных обстоятельств постепенно стала отодвигаться на дальний план. Косвенным подтверждением этому может служить выдержка из доклада крайпрокурора в Сибкрайком РКП (б) «О состоянии революционной законности в Сибири». Состояние мест заключения на начало второго полугодия 1925 г. оценивалось им следующим образом: «как самое состояние их, так и условия содержания в них заключённых были таковы, что невозможность дальнейшего оставления их в таком виде было очевидной.

Все без исключения места заключения пришли в полную негодность, население их во много раз превышало норму. Отсутствие маломальски приличного питания, эпидемические заболевания, уносившие ежедневно десятки жизней содержащихся, **невозможность применения к ним хотя бы в малейшей степени тех мер воздействия, которые были признаны Советской властью, как единственно целесообразные в деле исправления преступников** (выделено мною – В.У.) – всё вместе взятое определённо говорило о необходимости принятия самых экстренных мер в этой области.

Места заключения, забытые всеми, за исключением органов, ежедневно заполнявших их новыми кадрами обитателей, были представлены сами себе. Наименование «Исправительно-Трудовой Дом» оставалось только наименованием и значилось лишь на его вывеске. По существу своему исправительно-трудовой дом оставался прежней тюрьмой. Заключённые содержались в нём в тех же, если не худших, условиях»³.

¹ Кузьмина А. С. Указ. соч. С. 46.

² Пенитенциарное дело в 1922 году. Отчёт НКВД по Главному управлению местами заключения X съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. М., 1922. С. 19.

³ Доклад прокурора Сибири «О состоянии революционной законности в Сибири» в Сибкрайком РКП (б) (1925 г.) // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 47.

В этих условиях культурно-просветительная работа претерпела изменения. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. предоставил культурно-просветительным комиссиям в местах заключения право издавать газеты, журналы, сборники для осуждённых. Это, по мнению руководителей ГУМЗ, играло важнейшую роль в воздействии на заключённых в процессе их «перековки». На начало 1926 г. газеты и журналы издавались в 18 местах лишения свободы, практически все они замыкались на вопросы внутренней жизни этих мест. Так, в Новосибирском окружном исправтруддome издавали газету «Путь к исправлению». В 1927 г. газета была выпущена тиражом 50, в 1928 г. – уже 100, а в 1929 г. – 120 экземпляров. Редколлегия газеты составляли пятеро заключённых, а ответственным редактором был заведующий учебно-воспитательной частью¹. В 1931 г. по РСФСР в местах лишения свободы выходили 8 многотиражных и 400 стенных газет.

В конце 1920-х гг. политика большевистского руководства страны в вопросах деятельности пенитенциарной системы претерпела серьёзные изменения в сторону её ужесточения, а персональный подход к преступившим закон был оставлен в прошлом. В Постановлении СНК СССР от 7 апреля 1930 г. было утверждено Положение об исправительно-трудовых лагерях, 54 статьи которого охватывали все стороны жизни заключённых. Что касается культурно-воспитательной работы среди заключённых, то вновь декларировались вопросы ликвидации неграмотности, программно-методическое и политическое руководство школами ФЗУ и техническими курсами, **определение репертуара, инструктирование и контроль над театральной работой в лагерях** (выделено мною – В. У.), руководство постановкой библиотечного дела, за работой клубов, красных уголков, музеев и т. п., издательская деятельность и др. В части театральной работы исключалась всякая самостоятельность, инициатива и творчество со стороны заключённых. Вся деятельность строго регламентировалась рамками классового подхода и предполагала перевоспитание осуждённых с позиций большевистской оценки происходящего в стране, политическую дозированность и окраску подаваемой информации. Культурно-просветительная работа была заменена на культурно-воспитательную, а это разные вещи.

Изменения в пенитенциарной политике были во многом связаны с изменением социального состава заключённых и ростом их численности. В период нэпа наблюдается резкий рост уголовной преступности, значительное увеличение бандитских проявлений, имущественных и экономических преступлений. Так, в 1924 г. число осуждённых за уголовные преступления по сравнению с 1922 г. увеличилось вдвое – с 1 до 2 млн. человек². В последующие годы в стране наблюдается постоянный

¹ Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово, 2002. С. 260.

² Говоров И. В. Уголовно-правовые принципы государственной политики в области борьбы с профессиональной преступностью в Советской России (1920-1940-е гг.) // История государства и права. 2004. № 1. С. 32.

рост числа заключённых. Если в 1922 г. было 70 тыс. заключённых, то в 1930 – 179, в 1937 – 820,8, в 1939 – 1669,6, а в 1941 – 2204,4 тыс. человек¹. Однако следует учитывать, что абсолютное большинство заключённых – представители пролетарских слоёв населения, преимущественно крестьяне и рабочие промышленных предприятий, фабрик и заводов, опять-таки в основе своей, бывшие крестьяне. Уменьшение числа представителей интеллигенции среди отбывавших наказание не могло не сказываться на качестве культурно-просветительной работы.

Заметим, что во второй половине 1930-х гг. задача воспитательного (исправительного) характера не ставилась по отношению к тем, кто был осуждён за контрреволюционные преступления – только карательные. Об этом, в частности, свидетельствовало «Положение о культурно-воспитательной работе в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД», начинавшееся со слов: «Культурно-воспитательная работа в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР имеет своей целью... перевоспитание заключённых, осуждённых за бытовые и должностные преступления...»².

Таким образом, по мере удаления от начала 1920-х гг. «театральная» жизнь в местах заключения претерпела изменения – всё меньше стали ставиться театральные постановки, всё больше крен делался в сторону проведения литературно-музыкальных вечеров и праздничных концертов. Одной из главных причин этому стало изменение социального положения заключённых, преимущественно представлявших выходцев из «социально близкой» для большевиков среды. В ещё большей степени влияние оказало изменение политики по отношению к заключённым, в сторону её ужесточения. Не способствовали развитию этого нововведения, как одной из форм воспитательного воздействия на заключённых, тяжёлое материальное положение всей пенитенциарной системы страны, низкие образовательный и общий уровни развития основной массы её сотрудников. «Тюремные» театры, будучи задуманными, как часть системы перевоспитания, таковыми не стали, постепенно превратившись в исключение из правил. Многие из задач, направленных на перевоспитание и перековку преступивших закон, не прошли испытания повседневной обыденностью в местах заключения. Культурно-просветительная работа всё-таки носила эпизодический характер, так как главной задачей мест заключения считалась изоляция преступников.

Литература

1. Циркуляр отдела юстиции Сибревкома «Задачи культурно-просветительной работы в местах лишения свободы» [март] 1820 г. // ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 63.
2. Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. Омск, 2011.

¹ Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 18.

² Иванов А. А. Индивидуализация исполнения наказания в России. Теория, история и практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 139–140.

3. Отчёт о деятельности мест заключения Сибири за октябрь – декабрь 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 63. Л. 2–4.
4. Отчёт о деятельности Омской губпрокуратуры за 2-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 23. Л. 105.
5. Протокол междведомственного совещания по борьбе с преступностью при Омском губпрокуроре от 15 сентября 1925 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.
6. Отчёт прокуратуры Алтайской губернии за 1-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 24–25.
7. Отчёт о деятельности прокуратуры Новониколаевской губернии за 2-е полугодие 1924 г. // ГАНО. Ф. Р-20. Д. 22. Л. 64.
8. Доклад прокуратуры Сибири о результатах работы во 2-м полугодии 1926 г. // ГАТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 105. Л. 78.
9. Иванов А. А. Индивидуализация исполнения наказания в России. Теория, история и практика. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.
10. Отчёт о деятельности отдела юстиции Сибревкома (сентябрь 1920 г.) // ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 44.
11. Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.) : учебное пособие. Омск: ОВШМ МВД СССР, 1989.
12. Выписка из отчёта Томского губернского исправительно-трудового отдела «О культурно-воспитательной работе», опубликованном в материалах НКЮ, выпуск XIV, 1921 г. // ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 351.
13. Марченко С. Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009.
14. Отчёт о работе театра Томского дома заключённых за 1922 год // ГАТО. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8.
15. Пенитенциарное дело в 1922 году. Отчёт НКВД по Главному управлению местами заключения X съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. М., 1922.
16. Доклад прокурора Сибири «О состоянии революционной законности в Сибири» в Сибкрайком РКП (б) (1925 г.) // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19.
17. Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002. Страницы истории. Кемерово, 2002.
18. Говоров И. В. Уголовно-правовые принципы государственной политики в области борьбы с профессиональной преступностью в Советской России (1920-1940-е гг.) // История государства и права. 2004. № 1.
19. Зубков А. И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000.